

Мищенко Лев Глебович

на сайт
Музея

Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы

[на
главную]

[список]

[поиск]

Центр
Сахарова

Мищенко Л. Г. Пока я помню... - М. : Возвращение, 2006. – 144 с. : портр., ил.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- [I Предки. Гражданская война. Гибель родителей ... \(стр. 5\)](#)
- [II Вторые родители. Школа. Террор сталинизма ... \(стр. 10\)](#)
- [III Физфак. "Троцкистская вылазка" ... \(стр. 16\)](#)
- [IV Семья Ивановых ... \(стр. 19\)](#)
- [V ФИАН ... \(стр. 25\)](#)
- [VI Война! Ополчение. Окружение под Ельней и Вязьмой. Плен ... \(стр. 27\)](#)
- [VII DULAG-127. Вербовка. Отказ ... \(стр. 36\)](#)
- [VIII Первые два лагеря. "Товарищи говорят, что вы еврей" ... \(стр. 40\)](#)
- [IX Ошакский шталаг. Лейпциг. Удивительный конвоир ... \(стр. 43\)](#)
- [X Снова в Ошаце ... \(стр. 50\)](#)
- [XI Вербовка в РОА ... \(стр. 52\)](#)
- [XII Подготовка к побегу ... \(стр. 54\)](#)
- [XIII Нас поймали ... \(стр. 57\)](#)
- [XIV "Самый плохой человек в стране во все времена — доносчик" ... \(стр. 62\)](#)
- [XV Арест. Тюрма. Бухенвальд ... \(стр. 65\)](#)
- [XVI Ванслебен. Подземная фабрика ... \(стр. 72\)](#)
- [XVII Пеший этап. Побег. Американцы ... \(стр. 75\)](#)
- [XVIII Лютерштадт Эйслебен. Репатриация ... \(стр. 77\)](#)
- [XIX Гётештадт Веймар. СМЕРШ ... \(стр. 80\)](#)
- [XX "Суд праведный, скорый и милостивый" ... \(стр. 83\)](#)
- [XXI Рядом с камерой смертников. Франкфурт-на-Одере ... \(стр. 89\)](#)
- [XXII Этап Франкфурт — Печора. Печорский лесокомбинат ... \(стр. 91\)](#)
- [XXIII Люди лесокомбината ... \(стр. 98\)](#)
- [XXIV Конец срока. Амнистия. Реабилитация ... \(стр. 105\)](#)
- [XXV "Регулярная жизнь" ... \(стр. 110\)](#)

Приложения

- [С.А. Иванова. О моих поездках в лагерь в Печору ... \(стр. 115\)](#)
- [Записка из концлагеря Бухенвальд ... \(стр. 122\)](#)
- [Три первые письма из Печорского лесокомбината ... \(стр. 124\)](#)
- [Заявления о реабилитации ... \(стр. 129\)](#)

Мищенко Л. Г. Пока я помню... - М. : Возвращение, 2006. – 144 с. : портр., ил.

[<< Предыдущий блок](#) [Следующий блок >>](#)

Война! Ополчение. Окружение под Ельней и Вязьмой. Плен

Во всех маршах войны только пауза — верная нота:

Без литавр и труб полегла и не встала пехота.

Меж огнем и броней поднялась не одетая в латы.

Так по чьей же вине их от муки, Земля, не спасла ты?

Ты взяла их себе, чтоб не слышать им горя разрывы,

Чтоб, подобно тебе, они были средь нас молчаливы.

А. Мищенко, 1994

В нерабочий день воскресенья 22 июня 1941 года лаборатория спешно заканчивала сборы к отъезду в очередную научную экспедицию на Эльбрус. Я приехал в институт к восьми часам утра. Меня мстретил Владимир Иосифович:

- Мы никуда не едем. Вы не слышали радио? Война.

Осознание факта начала войны произвело во мне странный психологический сдвиг, продержавшийся несколько дней. Все воспринимаемые явления вокруг меня сопровождалось в мозгу безмолвной фразой: «А вот ведь сейчас — война», — все, что бы я ни видел: встречный прохожий, проехавший трамвай, книги в витрине магазина — все казалось теперь ненужным, а война — невозможной нелепостью. Хотя, в сущности, война не оказалась полной неожиданностью, ее приближение чувствовалось уже давно. Был удлиннен рабочий день, запрещалось менять место работы и вводились другие ужесточения рабочего законодательства.

Только 3 июля 1941 года Сталин обратился по радио с речью к стране. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры!.. К вам обращаюсь я, друзья мои!» Речь прерывалась паузами со звуком наливаемой в стакан воды.

3 июля я ушел в ополчение.

Здесь нужно кратко сказать о трагической истории этого военного формирования.

В первые же дни войны в Москве было объявлено, что создается народное ополчение из добровольцев, не подлежащих военной службе. Этот призыв нашел широкий отклик. Очень многие хотели защищать родину. И из более чем ста тысяч добровольцев по районам города и Подмосковья было сформировано около пятнадцати стрелковых

людьми должны были бы командовать опытные командиры, привлеченные из кадровой армии. Но таких не хватало и там. Причина, о которой, конечно, не говорилось, была проста: сталинский террор 1937-го и последующих годов уничтожил не только почти весь высший комсостав, но и значительную часть среднего. И в ополчение стали брать таких как мы - младших лейтенантов-вневойсковиков.

Наскоро созданные ополченческие дивизии сразу же были отправлены в состав армий, действовавших на Смоленском направлении. В ходе так называемой Московской битвы немцы прорвали фронт и вышли нам в тыл, охватив в августе - сентябре 1941 года на большом пространстве не меньше пяти — семи наших армий. Это было трагически известное окружение под Вязьмой и Ельней. Дивизии ополчения, плохо вооруженные и снабжаемые, с ненадежной техникой и связью, без поддержки другими родами войск не смогли остановить противника. Но они все же задержали его ценой огромных потерь. Это позволило собрать и подвести новые силы, и Москва не была взята. Оказавшиеся в окружении разрозненные остатки наших частей пытались группами и поодиночке пробиваться к своим на восток, но, как правило, безуспешно.

Общие потери убитыми и пленными в окружении составили около миллиона человек. Здесь надо сказать, что все, кому удавалось выйти к своим, сразу брались особыми отделами (армейскими органами НКВД) на подозрение, так как побывали на территории, занятой врагом. А бежавшие из плена объявлялись изменниками родины, репрессировались и в дальнейшем уже не считались полноценными гражданами.

Впоследствии маршал Жуков признал заслугу ополчения. И нас, ельнинских участников битвы за Москву, сорок шесть лет спустя наградили медалью «За оборону Москвы».

Итак, вместе с еще тремя младшими лейтенантами-вневойсковиками, летчиками (двое выпускников с физфака — Д. Н. Зубарев и В. И. Тереножкин, третий — Федоров, с географического), я пришел на формирующий пункт университетского ополчения. Все мы, университетские, хотели воевать вместе, рядом друг с другом. У нас было очень много общего — общие знакомства, интересы. Университет был тогда маленький — всего шесть факультетов в трех зданиях на Моховой и улице Герцена. Между факультетами существовали постоянные контакты - по комсомольской работе, по спорту, по самодеятельности. А у вневойсковиков кроме того еще и общие для всех факультетов

- 29 -

летние военные лагерные сборы. Так что мы ощущали себя как бы единым университетским братством. Суворов некогда сказал: - Русская армия сильна словом "братцы"». Вот и мы полагали, что после необходимого обучения станем полноценным армейским подразделением. К несчастью, обстоятельства не дали исполниться этой программе. Но наша взаимная тяга и дружеская близость остались с тех пор на всю жизнь, как и не затихшая боль памяти о погибших.

В ополчении нас направили в 8-ю Краснопресненскую стрелковую дивизию. Всего с физфака здесь оказалось человек пятьдесят. Тут же были студенты, преподаватели и сотрудники с других факультетов, из астрономической

обсерватории, а также из юридического и литературного институтов, Московской консерватории, работники краснопресненских фабрик и заводов.

Нас зачислили в 863-й отдельный батальон связи при дивизии, где меня неожиданно назначили начальником интендантского снабжения, а летчикам пока никакого назначения не дали. Мы тут же подали рапорты о переводе нас на должности по специальностям. Я просился в пехотный полк или ОРБ (Отдельный разведывательный батальон), товарищи — в ожидавшиеся приданные летные подразделения. Но до октября 1941 года приказа о нашем переводе так и не поступило. Все это время я со своим интендантским отделением обеспечивал продовольствием наш 863-й ОБС.

Наше отделение состояло человек из восьми, в их числе два шофера. Один — только что окончивший МГУ географ Саша (Александр Иванович) Дубинин, имевший водительские права. Он был старше большинства из нас, студентов — лет тридцати с лишним, крепко сложенный, со спокойным характером. Второй водитель, помоложе — профессиональный шофер, мобилизованный с одного из московских предприятий; фамилию его я забыл. Все остальные были нашими студентами или выпускниками: три географа — Артур Авакян, Федор Перельман и С. Я. Поляков, и двое (не считая меня) физиков: Олег Егоршин с четвертого курса и выпускник Петя Жуковский.

Наша дивизия, как и другие, находилась с первых же дней в полевых условиях. Она двигалась к фронту пешими маршами, главным образом по ночам, делая километров по двадцать за переход. Надень останавливались в лесах сначала Московской, а затем Калужской и Смоленской областей. На остановках после короткого сна спешно проводились учебные занятия - строевая и политическая подготовка - и трудоемкие работы по сооружению оборонительных рубежей;

- 30 -

единственной техникой при этом были лопата и кирка. В нашем батальоне, как и в других частях, не хватало автомашин. Имевшиеся были мобилизованы из гражданских автохозяйств, состояние их было ненадежное. Насколько я помню, в 863-м ОБС был только один новый автомобиль - зеленая легковая «эмка» с дивизионной радиостанцией. Ее разбило в одну из первых бомбежек. В нашем интендантском отделении две старых полуторатонки ГАЗ постоянно ломались, запасных частей не было, ремонтной базы в дивизии — тоже. И в нашем ОБС, и в разведывательном батальоне в самокатных ротах вместо армейских самокатов были взятые у частных владельцев велосипеды, большей частью неисправные.

Не хватало обмундирования. Шинели имел только комсостав. Рядовые бойцы ходили в телогрейках и плащ-палатках. В них и спали - при перебросках прямо на земле, на оборонительных рубежах отрывали землянки. Плохо было с вооружением и боепитанием. Винтовки были не у всех, и то, в большинстве, иностранных образцов -взятые при оккупации Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 году и Прибалтики в 1940-м. Только через месяц эти винтовки были заменены на нашу родную «трехлинейку». Многие командиры не получили личного оружия. Мне тоже сначала выдали полуавтоматическую винтовку СВТ (скорострельная винтовка Токарева), а потом заменили ее наганом без кобуры. Я держал его в кармане брюк или, когда спал, в шинели, за пазухой, чтобы быстрее вытащить.

Комплектование подразделений велось без надлежащего медицинского отбора, и иногда оружие оказывалось у людей, неспособных им владеть. У моего сокурсника Юрия Запольского не разгибалась в локте левая рука и были не вполне работоспособны пальцы правой. В сентябре мы с ним жили в лесу под одной плащ-палаткой. Получив впервые в жизни винтовку, Юра, сидя возле меня, тренировался спускать курок без выстрела. При этом необходимо, нажимая спусковой крючок, очень крепко удерживать курок большим пальцем правой руки за пуговку. У Юры пальцы были слабые, и пуля пробила плащ-палатку в двух сантиметрах от моего уха.

Бойцам интендантского отделения приходилось, как и всем, тяжело. Грузовики наши были открытые, серьезную трудность представляло укрывать продовольствие в пути и на остановках от непогоды. На стоянках надо было срочно выкапывать временные склады, чтобы сберечь продукты от дождей, грязи, порчи и хищений. Ночную охрану складов несли мы сами по очереди, так как комендантский взвод ее не обеспечивал: при его охране были случаи воровства. Спать нам приходилось в сутки не больше четырех-пяти часов.

- 31 -

В таких условиях ополченцы батальона вели себя стойко и самоотверженно. За все три месяца не было ни одного серьезного случая нарушения дисциплины, не было жалоб на трудности. Но боевая квалификация бойцов, да и командиров, оставалась очень низкой: при постоянных перебросках и инженерных работах времени для обучения было крайне мало, хотя занимались все со рвением. Частые переброски объяснялись тем, что положение на фронте резко менялось: немцы быстро двигались на восток. В соответствии с этим неожиданно менялись назначенные для армий и дивизий оборонительные районы. Части лихорадочно перемещались с только что подготовленных участков обороны на новые, и снова с таким же трудом начинались оборонительные работы. Наша 8-я дивизия в августе готовила оборону под Вязьмой, в районе Семлёва; в сентябре ее под непрерывными налетами немецкой авиации перебросили к Дорогобужу, а оттуда — в первые дни октября — под Ельню, к селу Уварово.

Истинного положения мы, конечно, не знали. О нем не говорили ни газеты, ни политруки на политзанятиях. Пропаганда преуменьшала силу врага. Вот для иллюстрации цитата из моего тогдашнего (от 15 сентября 1941 года) письма к Нине, жене Андрея Семашко, воевавшего тогда на другом фронте: «О нашем участке фронта ты могла прочесть недавно в газетах: немцы понемногу сдают позиции и убираются».

Политруки говорили, что гитлеровская армия голодает, что у них нет горючего и потому они вынуждены превращать свои танки в ДОТы (долговременные огневые точки), закапывая их в землю, что многие танки и самолеты у них фанерные, что из-за нехватки оружия они пользуются нашими винтовками, взятыми от убитых, и прочие нелепости. Первые же наши соприкосновения с врагом — с его пикирующими бомбардировщиками, «рамами», танками, многочисленной и мощной мототехникой — опрокидывали эти измышления.

Вообще, беседы политруков часто бывали бездоказательны и вызывали сомнения. Говорилось, например, что «вражеские агенты» подают немецким самолетам сигналы огнем через деревенские печные трубы. Мне случилось вспомнить об этом с некоторым ужасом во время моего очередного дежурства по

охране нашего продсклада. Недалеко от него в лесу стояла избушка, которую занимал оперуполномоченный особого отдела штаба дивизии. Светало, и я увидел, как к избушке солдат комендантского взвода ведет сгорбленную, с палкой, деревенскую старуху. И мне подумалось: за что же эту старуху ведут на допрос в трибунал? Может, по обвинению в печной сигнализации? Это впечатление осталось у меня на всю жизнь.

- 32 -

Кто командовал нашим батальоном в первое время, я сейчас уже не помню. Ближе к концу сентября нам прислали нового командира, кадрового связиста, младшего лейтенанта Фукса. Он был лет тридцати, среднего роста, плотный, с крупными чертами лица, темный шатен. Человек умный и энергичный, командир знающий, решительный и справедливый.

Комиссаром батальона был Зотов, ополченец, высокий, худощавый, рыжеватый, лет сорока.

В военфельдшере нашего батальона я с радостью узнал Прасковью Николаевну Сапунову. С ее дочерью Ниной мы десять лет проучились в одном классе. Прасковье Николаевне было тогда лет около пятидесяти. Она была очень заботлива и внимательна к бойцам, проводила ночи без сна при больных и раненых и при этом еще, помогая всем, с готовностью выполняла самую черную работу: стирала для бойцов и всячески поддерживала санитарию в расположении батальона.

Ее самоотверженную заботу я почувствовал и на себе. В августе мы стояли в лесу около деревни, где на берегу речки были баньки. После полутора месяцев только холодного мытья все обрадовались возможности попариться. В баньках были парилки - раскалявшиеся дровами открытые каменки метрах в полутора над полом. В городских банях каменки обычно находятся под потолком, и когда забрасывают в них воду, пар устремляется вверх. Я не подумал об этом различии и, вылив шайку воды в раскаленное жерло каменки на уровне своей груди, получил на нее поток стоградусного пара. После этого Прасковья Николаевна сутки безотлучно поливала мне грудь раствором марганцовки. И через два дня все зажило.

Из начсостава вспоминаю еще воентехника, тоже ополченца, со странной фамилией Борода. Он отвечал, кажется, за материально-техническое снабжение.

Продовольственное снабжение частей 8-й дивизии, пока она в первые недели войны двигалась примерно в пределах двухсот километров от Москвы, велось непосредственно с московских военных продскладов, куда мы, как и другие части, посылали свои ветхие автомашины. Попутно я выполнял поручения товарищей: передавал письма от них и к ним. Всех адресатов писем, привозившихся нами в Москву, мы старались увидеть лично, и всегда это было радостью не только для них, но и для нас. Правда раз или два мы все же натолкнулись — с большой горечью - на равнодушие.

В этих поездках мы повсюду встречали готовность помочь фронту. Я уже упоминал, что нам было очень трудно беречь продукты от дождей. Но во второй наш приезд в Москву нас выручил совет Александ-

ра Алексеевича, отца Светланы Ивановой. Александр Алексеевич хорошо шал всю московскую резиновую промышленность, ее возможности и лично руководящий персонал предприятий. Он посоветовал Ним обратиться к директору завода «Каучук». Мы послушались, и рабочие одного из цехов этого завода отказались от обеденного перерыва и за час безвозмездно сделали нам четыре больших полотнища из отходов прорезиненного брезента.

И в дальнейшем, если нам приходилось обращаться в гражданские организации, нам всегда помогали с готовностью и теплым участием.

С продвижением к фронту обеспеченность продовольствием ухудшалось. Теперь мы снабжались уже не из Москвы, а из так называемых ДОПов - дивизионных обменных пунктов, куда подразделения дивизии должны были сдавать свои излишки продовольствия. Ясно, что излишков в ДОПах набиралось не много, и мы не всегда могли давать на батальонную кухню полный рацион по нормам. Бойцы недоедали. Особенно плохо было с мясом, рыбой и овощами.

Вот несколько воспоминаний в связи с этим.

Когда мы стояли в лесах у Семлёва, там после дождей появилось много грибов, а в батальоне совсем не было ни мяса, ни вообще каких-либо белков. И я договорился с командирами двух телефонных взводов, что они вышлют человек пятьдесят за грибами рано утром на один час до политзанятий и частично за счет их. Ребята собрали несколько бочек грибов, и мы два дня подкрепляли ими наши обеды и ужины.

Казалось, все вышло хорошо. Но тут меня вызвал политрук — уполномоченный особого отдела штаба дивизии. Политрук сказал мне, что я срываю политико-воспитательную работу в батальоне и такие дела должны направляться в трибунал. Это означало для меня верный расстрел: в практике трибуналов оправдательных приговоров не было. Но мне повезло. Вовремя моих поездок в Москву я по просьбе этого политрука дважды покупал ему коньяк. Возможно, эта прошлая услуга помогла политруку согласиться с моим доводом, что истощенный и голодный солдат мало боеспособен, а тут два полувзвода накормили целый батальон. И дело на меня не было заведено.

Примерно в это же время мы получили приказ: при возможности заготавливать продукты непосредственно из местных колхозов. Их обязали сдавать картофель, молоко и мясо в счет обязательных государственных поставок 1941 и будущего 1942 годов. Мы попытались это сделать и объехали более двух десятков колхозов в разных районах Смоленской области. Здесь я пережил шок, увидев ужасающую нищету этих колхозов.

В деревнях не было не только мяса, но почти не оставалось и зерновых. Хлеб пекли с картофельными очистками. Скота мало, и он истощен. Молока не было даже детям, мяса давно уже никто не ел - все отбиралось в госпоставки. И это при газетной пропаганде об изобилии и благоденствии в колхозах! Конечно, мы там ничего не заготовили.

Этот рейд по Смоленщине освободил меня от укоров совести. Однажды, до этой поездки, я увидел, как один из наших солдат-студентов выкопал себе на поле картошку. Я возмутился: это было, в сущности, мародерство. И я приказал оставить картошку на поле. Но потом этот мой приказ временами меня беспокоил: прав ли я был? Ведь ребята наши полуголодные, надо и их пожалеть. Но страшный вид голодающих деревень снял все сомнения.

Расскажу теперь о моих последних днях в 8-й дивизии.

В первые дни октября мы в составе 32-й армии пришли под Ельню, к селу Уварову. Немцы были уже в нескольких километрах. Мы не успели даже как следует отрыть окопы и сразу приняли бой. Здесь я последний раз видел своих сокурсников Юрия Запольского и Василия Тереножкина. В наскоро отрытых окопах, без поддержки танками и авиацией (ее там не было совсем), при недостатке боеприпасов дивизия не могла держаться долго. 4 октября 1941 года она была разбита. И, как я уже сказал, не одна она.

Еще во время боя мы, интенданты, получили приказ вывозить свое имущество в сторону Вязьмы. Определенного пункта назначения и маршрута дано не было, карты тоже. Мы должны были двигаться с остальной колонной. Обычно нам это удавалось.

Срочно погрузив продукты на две наши машины и чью-то не полностью загруженную третью, мы разделились. На одной машине старшим стал, кажется, Петр Жуковский, на второй Федор Перельман, на третьей — я.

При движении мы потеряли из вида батальон, а потом и само наше отделение оказалось разобщенным, и мы так и не смогли вновь соединиться или найти штаб батальона. Вскоре моя машина стала: сломался промежуточный вал. Починить было невозможно. Наступала ночь.

Мы решили оставить машину с грузом под охраной двух бойцов (одним из них был Олег Егоршин), и я отправился пешком по дороге вместе с другими солдатами, тоже догонявшими свои части. Мы рассчитывали, что найдя батальон, я смогу выслать за оставшимися и грузом нашу первую машину.

Поздней ночью мы приблизились к станции Коробец. Она горела, и мы обнаружили, что она занята немцами. Обойдя ее, мы без карты и

- 35 -

компаса шли больше суток и продвинулись километров на тридцать ил северо-восток.

Наконец, под вечер 7 или 8 октября, у деревень Подмошье и Подопхай (километров шестьдесят от Вязьмы) мы увидели несколько солдат, и в крайней избе Подмошья я нашел штаб 8-й дивизии. Штаб состоял всего из двух незнакомых мне офицеров и ординарца. Один офицер, плотный, выше среднего роста, лет сорока, в полевой фуражке, темноволосый с проседью, кадровик, назвался майором Софроновым и сказал, что он назначен новым командиром 8-й дивизии. Второй, значительно моложе и стройней, брюнет, в стальной каске, был новым членом военного совета, то есть комиссаром дивизии (фамилии его я не запомнил).

Майор сказал, что здесь, на рубеже обороны в поле перед деревней, с южной стороны, против леса, находящегося в полукилометре, расположено все, что пока удалось собрать от дивизии. Там три позиции, и с ними у штаба нет связи. Софронов тут же назначил меня своим офицером связи и послал передать командирам всех трех позиций приказ держаться вплоть до дальнейших распоряжений.

Деревня и окопы обстреливались из леса с юга легкой артиллерией немцев. Несколько изб горело, крестьяне пытались выносить из них узлы с вещами. Два наших танка на полевой дороге, между позициями, непрерывно двигаясь, временами стреляли по опушке леса. Я пробежал по огородам к правофланговой позиции, передал приказ, прополз к средней, а от нее к левофланговым окопам. На каждой позиции было не больше взвода, вооружение — винтовки. Патроны везде кончались, ни гранат, ни минометов, ни противотанковых ружей не было, не было даже противотанковых бутылок с горючим.

Я двинулся от последней позиции обратно к штабу. В это время к штабной избе подъехал грузовик; майор и комиссар с ординарцем быстро влезли в него, и машина уехала. К этому времени оба наших танка были подбиты - остановились и не стреляли. Из леса вышли пять или шесть немецких танков и широкой цепью — с промежутками метров по сто — сто пятьдесят — двинулись через наши позиции к деревне, простреливая из пулеметов наши окопы.

Прижавшись в борозде, я оказался примерно посередине между направлениями движения двух крайних танков. Пуля разбила у меня в кармане шинели пузырек с одеколоном, но я не был ранен. Танки пошли в деревню и смолкли. Стало темнеть. Пехоты немцев не было, видимо она еще не подошла. Я прополз по полю несколько сот метров до леса на востоке против левого фланга и пошел на восток.

- 36 -

Я шел больше суток по лесным и полевым дорогам, обходя деревни, занятые немцами. Их было легко узнать издали по огням в домах и свету фар - немцы не прибегали к светомаскировке, по шуму и крикам, по характерным следам немецких автомобильных и мотоциклетных шин на дорогах. Иногда я ложился подремать в глубине леса, используя лапник, сухую хвою и листву для утепления — уже были заморозки. Ел я сырые картофелины и луковицы: я взял их в разбитом грузовике еще перед Подопхаем.

Во вторую ночь я опять наткнулся на деревню, занятую немцами. Углубившись от нее и от дороги подальше в лес - как мне показалось, километра на два — я отрыл себе небольшой окопчик от ветра (при мне была саперная лопатка) и в нем заснул, держа, по обыкновению, наган за пазухой шинели.

Я проснулся от толчка и резкой боли под коленкой. Светало, я, подняв голову, увидел немца с винтовкой. Я не понял ситуации, растерялся, почти машинально выхватил из-за пазухи наган и выстрелил — безрезультатно. В тот же момент я получил еще один сильный удар, уже по голове, — вероятно, прикладом. Сзади оказался второй солдат: два патрульных прочесывали лес. Оказалось, что я, уходя в лес, шел не по прямой, а кружил и вышел снова почти к опушке. Так начался плен.

